

Жуков и Баграмян — два маршала Победы

Близится 9 мая — День Великой Победы над гитлеровской Германией. Она досталась ценой огромных потерь и страданий советского народа, в том числе и армянского. Наше участие в той войне — Отечественной и Мировой — более чем весомо. Более полумиллиона наших соотечественников сражались в советской армии. 108 стали Героями Советского Союза, 27 — полными кавалерами ордена Славы. В состав Советской армии входили 6 полностью армянских дивизий и 7 таких же соединений, укомплектованных в значительной степени армянами. Более 70 человек стали генералами. А имена маршала Ивана Баграмяна, адмирала Ивана Исакова, маршала авиации Армена Ханферянца (Сергей Худяков), главного маршала бронетанковых войск Амазаса Бабаджаня, генерал-полковника Михаила Парсегова известны во всем мире. Конструкторы Артем Мкоян, Амо Елян обесценивали армию лучшими самолетами и орудиями... Во всеобщую Победу ковали против фашизма в армянских национальных дивизиях: 76-я, 390-я, 408-я, 409-я, 89-я, 261-я. 89-я дивизия оказалась на одном из самых кровавых участков войны. ...Более 80 тысяч армян бились в партизанских отрядах и в рядах Сопротивления. По сей день в Греции помнят Андраника Гукасяна, Ерэванд Гукасяна, Сильвестро Калаяна, в Италии Мкртича Даштояна и Геворка Колозана. Во Франции действовал Национальный армянский фронт Сопротивления. Имя Мисака Манушяна известно не только французам. Армянский партизанский полк освободил от фашистов города Ним и Ла Калмет. Только в армии США более двух десятков тысяч армян участвовали в боях. Прославились генералы Саргис Зардарян, Гайк Шеквядян, Ерэванд Дервин...

«...Огромный вклад в дело укрепления оборонной мощи государства был внесен маршалом Баграмяном, — пишет бывший министр обороны РФ Сергей Иванов в предисловии к недавно вышедшей книге Владимира КАРПОВА «Маршал Баграмян: Мы много пережили в тиши войны». — Именно под его руководством была воссоздана централизованная система тылового обеспечения Вооруженных сил, усовершенствованы службы тыла, приобрел системный характер деятельность по подготовке в тыловом отношении театров военных действий, разработаны новые уставы и наставления по боевой и оперативной подготовке тыла». Книга В.Карпова ценна еще, в частности, тем, что, пожалуй, впервые русский автор рассказывает о неформальных, теплых и дружеских отношениях, сложившихся между Иваном Баграмяном и Георгием Жуковым. О том, как Баграмян, далекий от «подкованной политики» и интриг, не испугавшись гнева Никиты Хрущева, поддержал «Маршала Победы» в самый трудный период в его жизни, когда от него отвернулись все маршалы и весь генералитет.

Предлагаем отрывки из этой книги, а также отрывок из воспоминаний академика Абрама Алиханяна.

В Академии Генштаба

В июне 1956 года маршал Баграмян был назначен начальником Академии Генштаба. В этих стенах Иван Христофорович провел два счастливых года, с 1936 по 1938 годы. Он был в первом выпуске этой вновь созданной академии. Какой блестящий был этой первый выпуск!

...Как всегда, на новом месте службы Баграмян прежде всего уяснил свои обязанности. Основная задача заключалась в следующем: обучать и готовить генералов, адмиралов, старших офицеров всех видов Вооруженных сил для работы на командных и штабных должностях в оперативно-стратегическом звене армии и флота.

Любая теория опирается на практику и подтверждается практикой. Чем располагал маршал Баграмян и преподавательский состав, приступая к разработке новой стратегии? Какая практика применения ядерного оружия была в их распоряжении? Ведь первые атомные бомбы американцы уже сбросили на Хиросиму и Нагасаки...

9 сентября 1954 года Жуков по решению Президиума ЦК КПСС провёл секретные учения с войсками и с реальным взрывом атомной бомбы в Тоцком учебном центре под Оренбургом. Учение это достигло исследовательских целей. Баграмян не раз просматривал секретный фильм о подготовке и проведении учения, изучил подробный отчет результатов учения. Стало понятно, что произойдет, если американцы обрушат по своему плану «Дропшот» 300 атомных бомб на наши города, а мы успеем ответить, пусть даже меньшим количеством бомб.

Баграмян и его коллеги определили следующее: ядерное оружие — это оружие необычное, и к нему невозможно подходить только с чисто военными мерками. В подходе к ядерному оружию только как к сдерживающему средству, а не как к средству ведения вооруженной борьбы, вообще нет гарантии, что оно не будет применено для нанесения внезапного удара.

Маршал Баграмян располагал разведывательными о взглядах и действиях американцев по этим же проблемам. Проведенные испытания атомных бомб (а позднее создание межконтинентальной ракеты) в СССР показали, что безаказанно осуществлять свой план «Дропшот» американцам не удастся. О том, что оно это полагали и как в связи с этим менялись их стратегии, свидетельствует «Доклад начальника штаба армии США (генерала М.Тейлора) за период с 1 июля 1955 года по 20 июня 1957 года». Этот период совпадает с временем пребывания Баграмяна в должности начальника Академии Генштаба.

«Жуков никогда не помышлял о захвате власти»

В общем маршал Баграмян проделал огромную работу в один из самых сложных периодов деятельности Академии Генерального штаба. В беседе с маршалом (позднее этих событий) за чашкой чая и рюмкой отличного армянского коньяка с «фирменными» прижками Тамара Амаяковна мы однажды коснулись событий того Октябрьского Пленума. Иван Христофорович неоднократно сказал:

— Это не партийный пленум, а подкованная политика, мастером которой был Хрущев. Он испугался, что

Жуков может его сместить, ему надумали в уши, что полководцы стали главными государями в Америке — Эйзенхауэр, в Югославии — Тито, в Албании — Энвер Ходжа. Особенно Хрущеву насторожил случай, когда Жуков, защищая его же в борьбе с оппонентами, пригрозил вызвать в Москву танки.

Иван Христофорович помолчал, он вообще говорил неторопливо, не повышая голоса.

— Я думаю и уверен, Жуков никогда не помышлял о захвате власти. Он не политик. Он военный до мозга костей. Его потолок в работе и в мечтах — пост министра обороны. Хрущев обогнал его, бесовственно обвиняя в бонапартизме.

Подтверждая это свое мнение, Иван Христофорович рассказал:

— В 1924 году меня направили на учебу в Высшую кавалерийскую школу Красной Армии. Она находилась в Ленинграде. Из двухсот слушателей была выделена группа из 25 человек, более старших по званиям, в основном командиров полков. В нее вошли многие в будущем крупные военачальники: Жуков, Рокоссовский, Еременко и другие. Мы были молодые и, вполне естественно, кроме учебы нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали: уходили в город, иногда ужинали в ресторане, иногда ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследованиями операций Первой мировой войны и других войн, а еще чаще разворачивал большие карты и, читая книги или какие-нибудь тактические разработки, буквально ползал по картам, потому что карты были большие, они не умещались на столе, он их стелил на пол и вот, передвигаясь на четвереньках, что-то там выглядывая, высматривал и потом сидел, размышляя, нахмурился своей могучей, широкой лоб. И случалось нередко так: мы возвращались после очередной вылазки, а он все еще сидел на полу, уткнувшись в эти свои карты...

У Жукова был не только талант, но и тяга к военному искусству. Бывает иногда и так: у человека есть талант, но он его не ощущает, не развивает, не живет тем делом, талант к которому подарила ему природа. У Жукова его природное дарование сочеталось со страстной любовью к военной профессии. Иногда у человека, даже увлеченного своим делом, бывает, как мы сегодня говорим, еще и какое-то хобби. У Жукова все было сконцентрировано и устремлено на ратное дело. Оно было и страстью, и увлечением, смыслом всей его жизни.

Хрущев — мастер интриг

Я полностью разделял мнение Ивана Христофоровича и даже рассказал некоторые неизвестные ему подробности того пленума. Я их знал потому, что, работая над книгой о Жукове, читал в архивах многие подлинные документы и полную стенограмму самого пленума. Мне кажется, следует посвятить читателю в суть этого, как говорит маршал, «неприличного» дела.

И в том, что Хрущев — мастер интриг, Баграмян тоже прав. На XX съезде Хрущев без включения в повестку дня провернул вопрос о культуре личности. Октябрьский пленум 1957 года проводился с повесткой дня: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». А в действительности на пленуме

произошла расправа над маршалом Жуковым. Я долго не мог ознакомиться со стенограммой этого пленума. Она ни разу не публиковалась, была засекречена. Обнаружил я экземпляр стенограммы в общем отделе ЦК КПСС. Дали мне с ней ознакомиться, как члену ЦК, выделили комнату, предупредили: нельзя выносить и снимать копии с текста.

Рассказывая об этом Ивану Христофоровичу, я признался:

— Но я же разведчик, конечно, сделал для себя фотокопии.

Маршал одобрительно улыбнулся. Я сказал:

— Вы были на этом пленуме, знаете лучше меня все, что там происходило.

Дальше я поделился с Иваном Христофоровичем своим мнением по поводу некоторых выступлений на пленуме.

— Сулов в основном докладе говорил о многом, но главное обвинение сводилось к тому, что Жуков игнорирует Центральный Комитет. Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей...

Хрущев по поводу этой школы бросил реплику: «Неизвестно, зачем было собирать этих диверсантов без ведома ЦК. Разве это мысленное дело? И это делает министр обороны с его характером. Ведь у Берии тоже была диверсионная группа, и перед тем как его арестовали, Берия вызвал группу головорезов, они были в Москве, и если бы его не разоблачили, то неизвестно, чьи головы полетели бы».

Баграмян махнул рукой:

— Обвинения Жукова в заговоре и создании силы с целью захвата власти было явным вымыслом. О ее создании Генштабом был издан официальный приказ, обеспечением занимались соответствующие управления: оружием, обмундированием, питанием, транспортом, средствами связи, жильем и автотарками, то есть все, кому полагалось этим заниматься по служебным обязанностям. Это была не школа диверсантов, а дивизия особого назначения, которая формировалась в Коврове. Ее командиром был назначен генерал Мамсуров.

— Иван Христофорович, хочу спросить вас о том, что меня больше всего удивляет — о выступлениях наших маршалов. Я подробно изучил стенограмму. Обдумывал и взвешивал каждое выступление, оценивал отношение к Жукову каждого выступающего не только с точки зрения обязательной поддержки желания первого секретаря (а оно, конечно же, всем было понятно), но и с учетом фактора времени — все это говорили после XX съезда, который якобы восстанавливал в партии, в стране ленинские нормы принципиальности, правдивости и честности. И каждый из выступающих, если он того захотел бы, мог высказать свое мнение насчет Жукова, даже если оно не совпадало с официальным. Но никто — ни один из выступивших на пленуме — не один из выступивших на пленуме — не защитил маршала! Что это? Ослепленность в число его единомышленников? А может быть, мстительность, ведь некоторые из ораторов терпели несправедливость и оскорбления со стороны Жукова. Вот дилемма: или все крупнейшие военачальники, обвинявшие Жукова, были нечестные, неподобающие люди, или они говорили правду, и Жуков

действительно виноват. Давняя мудрая военная поговорка гласит: «Не может быть такое, когда весь строй идет не в ногу, а кто-то один в ногу». И еще такая ирония: «Все самое плохое скажут о вас друзья».

Значит, Жукова развенчали, осудили и отстранили от должности министра обороны правильно? Военачальники, конечно же, были людьми порядочными, они говорили честно, и Жуков был виноват в том, в чем его обвиняли: грубость, несправедливость, порой чрезмерная требовательность, унижение и даже оскорбление некоторых старших офицеров и генералов. И сам Жуков в заключительном слове признал это.

Иван Христофорович сказал:

— Жуков не признал, и никто из боевых товарищей его не обвинял в намерении захватить власть. Только Хрущев особенно нажимал на это обвинение. Я понимал все неприличие этой затеи Хрущева и на пленуме не выступил. Ну, а другие выступили по инерции. Генеральный секретарь, он же Верховный Главнокомандующий, дал указание, и его надо было выполнять. Маршалы — люди дисциплинированные.

Порученец маршала генерал Корнеев мне рассказывал:

— После пленума было указание ЦК обсудить его материалы на партийных собраниях во всех учреждениях и организациях. Провел такое собрание и Баграмян в академии. Он не мог не выполнить это указание ЦК. Но никаких резких обвинений Жукову не высказал. В общих словах пересказал о работе пленума. Об этом кто-то из его недоброжелателей «проинформировал» высшие органы, и к Ивану Христофоровичу кое-кто наверху стал относиться с прохладцей...

Напомним, пленум проходил в конце октября, через несколько дней — 7 ноября, праздник Октябрьской революции. У меня был список, по которому я готовил к праздничным дням поздравления от Баграмяна его друзьям и начальникам.

В этот раз я подготовил всем, в том числе и Жукову. Представляя поздравления на подпись маршалу, я положил на стол последнюю открытку для Жукова и ждал, какотреагирует Иван Христофорович. Он сказал:

— Правильно, сейчас Георгию Константиновичу особенно приятно будет получить такое поздравление и добрые пожелания.

Как мне стало известно позднее, Жукову не прислал поздравления никто из выступивших на пленуме. Опальный! И вдруг теплые, добрые слова от Баграмяна. Жуков всегда относился к Ивану Христофоровичу с большим уважением, а после этого случая их дружба стала еще крепче.

«Жуков прошел через весь зал и обнял Баграмяна»

На празднование 20-летия Победы Жукова впервые после опалы пригласили на прием в Кремль. Когда он вошел в зал, где собиравшие гости до застолья, все вдруг притихло и устремили взоры в сторону Жукова. Он прошел через весь зал и подошел к Баграмяну, пожал ему руку, обнял и тепло поздравил. Ни к кому другому Жуков не подошел!

Они дружили семьями, встречались в дни праздников. Баграмян был на похоронах жены Жукова, Галины Александровны. Жуков подарил Баграмяну свою книгу «Воспоминания и размышления» с автографом. Я видел у многих военачальников и читателей книги Жукова с его автографами, но таких теплых слов не встречал.

Вот короткое строки друга о друге. Жуков о Баграмяне: «Я давно знаю Ивана Христофоровича. Он один из наших талантливых и опытных военачальников, блестяще знающий штабную работу. В годы войны нечасто мы встречались, но о его ратных делах мне все было известно. Его великолепные организаторские способности проявились еще

в очень сложной обстановке начала войны. Он очень вдумчивый, знающий свое дело военачальник, спокойный, уравновешенный, трудолюбивый, грамотный. И.Х.Баграмян особо отличился в Курской битве, как командующий Первого Прибалтийского фронта, и в Белорусской операции. Мы с ним часто встречались после войны, дружили».

Баграмян о Жукове: «Для меня Георгий Константинович не только выдающийся военный стратег, славный герой и полководец — он был мой товарищ и сверстник, больше того — побратим, сыгравший огромную роль в моей солдатской судьбе. В Г.К.Жукове я видел живое воплощение широты и щедрости души великого русского народа по отношению к своим младшим братьям, всем другим народам нашей многонациональной Родины. Г.К.Жуков был мужественный человек. Его появление на том или ином участке фронта в самые трудные моменты всегда в командиров и военачальников какуто необыкновенную силу».

...После отстранения Жукова министром обороны стал маршал Малиновский. В службе Баграмяна также произошли значительные перемены. В годы работы в академии Иван Христофорович много и плодотворно потрудился в деле образования и формирования будущих крупных военачальников, выходящих на подготовку слушателей позволяла выдвигать их после окончания академии на высокие командные и штабные должности в советских Вооруженных силах.

«Баграмян был в полном смысле интернационалист»

Генерал армии Грибков рассказал мне о встречах с Баграмяном на армянской земле.

— Я был командующим войсками 7-й гвардейской армии в Ереване. Иван Христофорович был депутатом Верховного Совета СССР от Эчмиадзинского избирательного округа — там дислоцировались части 7-й гвардейской армии.

Каждый его приезд в Армению был значительным для меня. Встречи и беседы с ним обогащали меня в вопросах истории армянского народа. Интересны были его рассказы о своем детстве и юношестве, о революционных годах, когда молодому человеку трудно было ориентироваться — кто за красных, а кто за белых. Баграмян избрал верный путь.

Иван Христофорович был внимательным собеседником, всегда выслушивал, не перебивая. Свои обещания в ответ на мои просьбы всегда точно выполнял. В армии всегда были различные проблемы — то ГСМ хотелось иметь побольше для боевой подготовки войск, то палаток новых нестерраемых или штабных машин хотелось получить в первую очередь.

Он говорил:

— Находи мне памятную записку, что тебе необходимо.

Записку он клал в карман и по возможности помогал.

Иван Христофорович любил свою малую родину — Армению и большую родину — Советский Союз.

Как-то в 1966 году прилетел в очередной раз в Ереван, а в это время намечался Пленум ЦК Компартии Армении. Я тогда был членом ЦК и членом Бюро ЦК, депутатом Верховного Совета Армении. На этом пленуме намечалась освобождение Первого секретаря ЦК Заробяна и избрание нового первого секретаря Антона Ерэвандовича Кочиняна.

Иван Христофорович сказал мне, что он не имеет желания присутствовать на этом пленуме как член ЦК КПСС. Да и вы, прибавил он, Анатолий Иванович, скажите о своей занятости по службе, чтобы нам с вами не сидеть и не слушать, как он выразился, «перебранку» за власть. Так мы и сделали. Иван Христофорович попросил меня свозить его на реку Аракс, чтобы посмотреть поближе на

гору Арарат и на старые земли Армени. Мы отправились в район Маркара, на границу, туда, где мост через Аракс разделен бедной пограничной полосой.

Предварительно я предупредил начальника погранзаставы о нашем приезде и сказал ему, чтобы были приняты меры безопасности. Он так и сделал. На всякий случай по обе стороны от въезда на мост разместили снайперов и автоматчиков. Баграмян заслушал начальника погранзаставы об охраняемой границе, о поведении турок на границе и затем спросил:

— А можно пройти по мосту до белой линии?

— Конечно, можно. Вам все можно, товарищ маршал.

И вот мы втроем вступили на этот мост и дошли до линии, отделяющей Советский Союз от Турции. Иван Христофорович одной ногой переступил за белую линию, с минуту молча постоял, мы тоже молчали, не мешали его думать, и затем сказал:

— Вот я и побывал на исконно армянской земле, мысленно оказался в Карсе и других памятных местах, где пришлось воевать.

Потом, когда мы сидели у пограничников на заставе и пили чай, Иван Христофорович рассказал нам о том, как он в составе 1-го Армянского кавалерийского полка сражался против наступающих на Закавказье турецких войск в районе Карса, а затем участвовал в Сардарабадском сражении. Иван Христофорович говорил, что армянский народ никогда не забудет турецкий геноцид, когда было уничтожено около 1,5 миллиона мирных жителей Армении. Он с любовью отзывался о русских солдатах, которые спасали от смерти стариков и детей.

Баграмян был в полном смысле интернационалистом. Где бы он ни работал, он всегда подчеркивал необходимость крепить дружбу между народами, и особенно с русским народом.

Генерал армии Грибков в конце нашей беседы сказал:

— Хочется пожелать армянскому народу крепить взаимную дружбу Армении и России. Эта дружба всегда выручала в трудное время. Счастья вам и процветания. Верю, что очень скоро Армения и Россия снова будут стоять в одном строю.

Я слышал, что так близко знал и общался с выдающимся полководцем Великой Отечественной войны — Иваном Христофоровичем Баграмяном — и проходил воинскую службу на его родине.

Как обыскивали дачу Баграмяна

Из воспоминаний академика Абрама Алиханова:

— Было это в субботу четвертого ноября сорок восьмого года. В полдень Хозяин, так мы в своем кругу величали Сталина, срочно меня и Игоря Курчатова пригласил в Кремль. Это была не первая встреча, мы уже привыкли к подобным вызовам. Мы доложили о нашей работе, Сталин спросил, в чем мы нуждаемся, и предложил письменно изложить свои просьбы. Чтобы мы не договорились, он посадил нас по краям большого стола. Сидим и сочиняем наши просьбы. Вдруг зазвонил телефон. Сталин медленно, как бы нехотя, подошел к аппарату, долго слушал и тихо, но внятно по-грузински произнес: «Адмиралов не расстреливать, они старые — сами умрут в застенках, авиаторов — маршалов Голованова и Новикова жизни не лишать, а Худякова можно направить к прототипам...» Опять долго слушал в трубку, потом недовольно буркнул: «Слушай, Лаврентий, Жукова мы и так наказали, хватит с него, Рокоссовский бабник? Ну и что? А ты разве святая? Нет, трогать его, пошлем в Польшу — пусть там блядет. Баграмяна? Не верю. Есть документы? Сам сварила? Я тебя, шельмеца, досконально

изучил, ты — смесь шакала с гниной. Согласен? Еще бы. Так вот, слушай товарища Сталина: можно нагрнуть на дачу Баграмяна, перевернуть вверх дном, все запротоколировать и держать под рукой — пригодится. Если поднимет хвост, тут же протоколы на стол, понял, недоносков?».

Когда мы покидали кабинет Сталина, вдруг он спросил:

— Товарищ Алиханов, вы родом из Тифлиса, а грузинским владеете?

Я не растерялся, ответил:

— Я, товарищ Сталин, даже армянским не владею.

— Это хорошо, товарищ Алиханов. Очень хорошо.

Когда вернулся домой, было около двух часов ночи, позвонил в Ригу, Иван Христофорович командовал там войсками округа, разбудил его и сказал, что в Ригу едет мой сотрудник Григорий Анонов, прошу оказать ему содействие. Он был удивлен, что по такому пустяку звоню в два ночи. Я отшутился: мол, когда горюшь на работе, часов не наблюдаешь.

Утром пригласил Гришу Анонова, моего друга детства, и растолковал суть дела, что надо предупредить Баграмяна о кознях Берии, чтобы он не испугал дачу от ненужных вещей? Почему сам не сказал Баграмяну? Так ведь тогда и аппараты ВЧ подслушивали. И вообще по телефону мы о серьезных делах никогда не говорили. На дачу нагрянули люди Берии. Но обыск ничего не дал.

Искали трофеи. Многие военачальники на этом деле крепко погорели. Георгия Жукова чуть под суд не отдали. Понизили в должности, послали в военный округ второго разряда. На высшем военном совете Сталин иронизировал: мол, один только товарищ Баграмян оказался чист на руку. Но Лаврентий Берия не успокоился. В пятнадцать втором он вновь вызвал за Ивана Христофоровича...

Сталин задумал в годовщину Победы трех военачальников, которые в годы войны командовали фронтами, сделать маршалами. Об этом сам Сталин «проболтался» в день Советской армии у себя на даче в узком кругу высших армейских чинов.

И назвал Ивана Баграмяна, Ивана Петрова и Андрея Еременко. Сталин подлил бокал за них и предупредил, чтобы раньше времени не болтали. Затем с бокалом в руке обошел всех гостей. Подойдя ко мне, он сказал: «Товарищ Алиханов, теперь и армяне будут иметь маршала. Грузины уже имеют одного маршала, правда, он не настоящий, паркетный, но все же он маршал. Я имею в виду товарища Берия. Но генералиссимуса у вас не будет. Зато у вас есть настоящий адмирал флота, товарищ Исаков. Умница, без ноги, но с головой». Он чокнулся со мной, пригубил — и пошел дальше.

Я был рад за старого друга и через день-два дал ему об этом знать. Но... и здесь Берия сыграл свою мерзкую роль. Иван Христофорович потом рассказывал, что этот матерый палач организовал поток писем в адрес Сталина, что якобы командиром авиопола в Армянской дивизии Иван Баграмян на вакантные должности командиров эскадронов выдвигал бывших дашнакских офицеров, а тех, кто из рабочих и крестьян, держал в черном теле. Мне доподлинно известно, что после этого Ивана Христофоровича вновь начали таскать по кабинетам партийного контроля. Таскали долго. Унижали допросами. Дошло до Сталина. Тот вычеркнул фамилию Баграмяна из готового текста постановления, да так вычеркнул, что карандаш прошелся и по тем двум кандидатам... Вот как было.

На снимках Никита Сергеевич на следующий день после знаменитого пленума, отстранившего его от власти; Баграмян с супругой: тост за победу; Иван Христофорович готовит шашлык в родном Чардахлу; два Героя — Жуков и Баграмян.